

Ю.М. Могаричев,
А.В. Сазанов, С.Б. Сорочан

Крым

в «хазарское» время
(VIII – середина X вв.):
вопросы истории и археологии

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)41
М74

*Книга издана при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»*

Печатается по решению Ученого совета Института славяноведения РАН

Научный редактор В.Я. Петрухин

Рецензенты:

доктор исторических наук В.В. Майко

доктор исторических наук, профессор А.Г. Ситдилов

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник А.А. Турилов

доктор исторических наук, профессор И.Н. Храпунов

Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Сорочан С.Б.

М74 Крым в «хазарское» время (VIII – середина X вв.): вопросы истории и археологии / Ю.М. Могаричев, А.В. Сазанов, С.Б. Сорочан. — М. : Неолит, 2017. — 744 с.

ISBN 978-5-9909479-0-0

Авторы книги попытались представить обобщенную картину истории Крыма VIII – первой половины X в. на основе изучения как письменных, так и археологических источников. Хронологические рамки издания охватывают период от конца VII – начала VIII в., когда хазары вышли к границам Крымского полуострова и в определенной степени стали влиять на ситуацию здесь, до середины X в. По мнению авторов, хазары были вытеснены за пределы полуострова уже к концу IX в. Однако еще полстолетия они были одним из серьезных политических игроков Крыма.

**УДК 94(47)
ББК 63.3(2)41**

ISBN 978-5-9909479-0-0

© Могаричев Ю.М., Сазанов А.В.,
Сорочан С.Б., 2017
© Издательский дом «Неолит», 2017

Издание не подлежит маркировке в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 1 ФЗ № 436-ФЗ

Корректор О.Н. Картамышева
Компьютерная верстка Ю.А. Боркуновой
Оформление обложки Ю.А. Боркуновой

Подписано в печать 31.10.2017.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 46,5.
Тираж 1000 экз.

ООО «Издательский дом «Неолит»

107023, Москва, Мажоров пер, д. 8, стр. 2, Тел.: (977) 700-67-12

<http://forum-books.ru/>

Оглавление

Предисловие. Крым и Хазария в истории Евразии и славяно-русской истории (В.Я. Петрухин)	9
Введение	15
Часть I. Крым в VIII – середине X вв. по археологическим источникам	25
Глава 1. Археологические комплексы Крыма второй половины VII – первой половины VIII в.	25
1.1. Поселения	25
1.2. Могильники	105
Глава 2. Памятники второй половины VIII–IX в.	149
2.1. Памятники второй половины VIII – первой половины IX в.	152
2.2. Комплексы второй половины IX в. и проблема времени прекращения существования «хазарских» поселений	171
Часть II. Херсон в VIII – середине X вв.	196
Глава 3. Политический статус и управление	196
Глава 4. Экономическое развитие	280
Глава 5. Архитектурный облик	375
Часть III. Проблемы истории Крыма «хазарского» времени	401
Глава 6. Хазары и Боспор в конце VII – начале VIII вв.	401
Глава 7. Проблемы церковной истории Крыма VIII – середины X вв.	429
7.1. Иконоборцы или иконопочитатели?	429
7.2. О времени образования Готской епархии	434
7.3. О времени образования Фульской епархии и проблема локализации Фул	442

Глава 8. «Крымские» святые	
в контексте истории полуострова VIII – X вв.	472
8.1. Иоанн Готский	472
8.2. Стефан Сурожский и образование Сугдейской епархии	494
8.3. Жития Херсонских епископов в контексте истории Крыма VIII – IX вв.	523
8.4. Крымский этап жизни Иосифа Гимнографа	552
Глава 9. Хазары и Крым в IX–X вв.	595
9.1. Крымский поход Песаха — миф или реальность?	595
9.2. Хазары и Крым в IX – середине X в.	611
Вместо заключения. Крымская Хазария X–XII вв.	
Хазарский анклав в Крыму	
или историографический миф?	640
Список использованной литературы и источников	664
Список сокращений	743

Предисловие

Крым и Хазария в истории Евразии и славяно-русской истории

Крымскую историю в целом определяло господствующее положение полуострова в Причерноморском бассейне. Крым является важным центром трансконтинентальных коммуникаций Евразии начиная с далекой предыстории — эпохи ее заселения человеком (грот Киик-Коба содержит одно из древнейших погребений неандертальца).

Начиная со скифов, Крым и Таманский полуостров (Боспор Киммерийский) оставались вожаделенной землей для степняков, не в последнюю очередь благодаря тем богатствам, которые сконцентрировал там мир цивилизации в античных, а затем византийских городах. Скифы, сарматы, готы, гунны, хазары, монголо-татары стремились овладеть этой землей и ее богатствами.

Естественно, и древнейшая Русь стремилась к этим богатствам, и рассказы о ее походах IX в. на Сугдею (Сурож) и Амастриду, содержащиеся в житийных памятниках, порождают немало споров в современной историографии о реальности описанных событий. Собственно летописная славяно-русская история начинается с легендарного повествования о странствии Андрея Первозванного по пути из варяг в греки: его начальным пунктом был Херсон/Корсунь (крымские рефлексy легенды рассматриваются авторами в главе IX.2); завершается дохристианская история рассказом о крещении Владимира Святославича в Корсунни.

Первое тысячелетие н.э., начиная с вторжений готов, гуннов — Великого переселения народов, — традиционно относится к «темным векам» средневековой эпохи; появление хазар, сменивших в VII в. в Причерноморье господствовавших там (прото)болгар и захвативших Таманский полуостров и подчинивших славянские племена лесостепи, также окутано мраком: конечно, новая волна степняков устремилась и в Крым, по крайней

мере, на другой берег Боспора, через Керченский пролив, но насколько хазарам прочно удалось овладеть ситуацией на полуострове, посадив свою администрацию — тудунов — в Фанагории (на Боспоре), горном Доросе и даже на юго-западе, в византийском Херсоне, неясно.

Эту ситуацию, вызывающую острые споры в современной историографии (см., например, полемику о степени власти хазар в Крыму — господство или «кондоминиум» в 12-м томе Хазарского альманаха), призвана прояснить коллективная монография историков и археологов, докторов исторических наук, представляющих разные институты и школы (известный исследователь Крыма Ю.М. Могаричев, харьковский профессор-византист С.Б. Сорочан, московский историк и археолог А.В. Сазанов).

Собственно исторические — нарративные — источники по истории «хазарского» периода чрезвычайно скупы: письма патриарха Николая Мистика, упоминания в труде Константина Багрянородного, Кембриджский документ, примыкающий к еврейско-хазарской переписке, и данные хрониста Иоанна Скилицы и др., повествовательльно более скудные, специально анализируются в монографии. Между тем в позднесредневековых источниках именно за причерноморскими областями закрепляется название «Хазария».

Особое значение для исследования проблемы имеют памятники археологии — отсюда необходимость применяемого авторами междисциплинарного подхода (используются данные археологии, нумизматики, сфрагистики, эпиграфики), обработка и осмысление массового археологического материала. Первостепенным по значимости является главный археологический и исторический памятник средневекового Крыма — Херсон, которому посвящен специальный большой раздел монографии.

Большая часть затронутых в книге проблем дискуссионна: эта дискуссия представляется давно назревшей и конструктивной. Она ведется по вполне конкретным вопросам: когда появились хазары в Крыму, насколько «разорительным» было их господство, и вообще, имело ли место это господство; насколько определенно отражает исчезновение археологических памятников хазарской салтовской культуры в Крыму исчезновение самих хазар и их предполагаемой власти? Корректная постановка этих проблем, во многом осложненная тенденциозными историографическими конструкциями и даже «мифами» — особая актуальность книги. Перечисленные проблемы рассматриваются в широком геополитическом контексте средневековой Евразии.

Узловые проблемы, касающиеся геополитики — византийско-хазаро-русских отношений — характеризует затрагиваемая в книге (глава IX) история со строительством крепости Саркел. По сообщению Константина Багря-

народного, сам хакан и военачальник «пех» — высшее руководство Хазарского каганата — обратились (в 830-е гг.) к императору Византии Феофилу с просьбой построить крепость на Дону. Архитектор Петрона был направлен через Херсон в Хазарию, наладил производство кирпича, из которого на левом берегу Дона была построена крепость Саркел. Место для строительства было выбрано не случайно: крепость должна была контролировать переход из бассейна Волги в бассейн Дона (недаром там и был прорыт Волго-Донской канал, а Цимлянское водохранилище затопило частично раскопанный в середине XX в. Саркел). На противоположном Саркелу правом берегу (возможно, также не без помощи греков) из камня была построена другая крепость — т.н. Правобережное Цимлянское городище (ПЦГ). В первой трети IX в. Хазарии было от кого обороняться: в степи было неспокойно — печенеги вытесняли из Причерноморья не всегда покорных вассалов Хазарии венгров, а по рекам Восточной Европы уже двинулись вооруженные дружины русских купцов — их главной магистралью был тогда Дон.

Споры о том, против кого были направлены фортификации, не прекращаются: сдержать степняков не могли и длинные стены, значит, главным врагом была начальная Русь¹. Однако власть над пунктами, контролировавшими перекресток магистралей (степной и речной — как считала С.А. Плетнева — Саркел располагался на ответвлении Великого шелкового пути), была притягательна для всякого завоевателя. Византия была заинтересована в стабильной ситуации в неспокойном регионе, и укрепление ею собственных позиций в Крыму — создание фемы Климатов с центром в Херсоне, где также проводится интенсивная фортификация поселений (см. в главе IX), соответствует общей тенденции укрепления границ.

Была ли Русь тем главным противником (по крайней мере, Хазарии), против которого были направлены все эти фортификационные усилия? Казалось бы, источники не дают оснований для такой гипотезы — достоверных известий о военной активности Руси в Причерноморье до 860 г. нет (если не воспринимать упомянутые напрямую агиографические сюжеты, связанные с походами на Сурожи и Амастриду). Однако о дипломатической активности Руси повествуют по 839 г. Бертинские анналы: они сообщают о посольстве народа «Рос» в Константинополь к императору Феофилу. «Рос» должны были искать обратный путь в обход Восточной Европы, ибо пройденный путь преградили свирепые варвары: так они оказались при дворе франкского императора Людовика Благочестивого, благодаря чему попали на страницы Бертинских анналов. На вопрос императора о том, кто они такие, «Рос» ответили, что их государь — хакан. Франки уже расправились с аварским каганатом, и хаканом мог именоваться только правитель хазар. Это заявление послов Руси всколыхнуло целую волну национально-роман-

тических конструкций, множащихся начиная с сочинений С.А. Геденова. Русские не могли признавать власть хазарского кагана, ибо хазары были их соперниками в Восточной Европе. Стало быть, у них был свой каганат, возникший задолго до недостоверного призвания варягов, и т.д. и т.п. Источникам неизвестен никакой русский каганат, зато строительство Саркела проясняет историческую ситуацию с первым русским посольством: оно совпадает с «саркельским» посольством хакана и «пеха». Начальная Русь была так же заинтересована в спокойном маршруте по Дону, как и Хазария и Византия, признавая власть хазарского хакана. Редкое свидетельство торговых операций Руси на Дону содержит клад монет, обнаруженный на ПЦГ, — одна из монет несет скандинавский рунический знак².

Следующий немаловажный для славистики эпизод, специально разбираемый в книге (глава VII.2 и др.), непосредственно связан с историей Крыма: это «хазарская миссия» Константина Философа 860/861 гг. Традиционно эту миссию увязывают с геополитическими проблемами, возникшими после первого внезапного похода Руси на Константинополь в июне 860 г.: миссия достигла своей цели — каган заявил в письме императору, что готов идти «на службу» (грекам нужны были союзники против нарождающегося русского государства). Сложнее обстоит дело с конфессиональными задачами миссионеров: вопреки утверждению Жития Константина считается, что попытка христианизации хазар не удалась, напротив, после прений о вере с Константином каган и решился на принятие иудаизма как «государственной» религии (К. Цукерман). Авторы осторожно отмечают доминирующую роль иудеев при дворе кагана — для этого Константину понадобилось изучать еврейский (по т.н. Итальянской легенде — хазарский) язык в Херсоне. Житийные топосы осложняют прямолинейную историческую трактовку событий: таково, в частности, начало речи послов, просящих у кесаря Философа — толкователя веры (эти речи и последующая полемика воспринимается иногда чуть не как дипломатический «протокол», — Е.М. Верещагин).

Послы хазар признаются кесарю: «От начала знаем лишь единого бога, который (стоит) над всеми, и ему кланяемся на восток, в остальном держась своих постыдных обычаев. Евреи побуждают нас принять их веру и обычаи, а с другой стороны, сарацины». Они просят «книжного мужа», который «переспорил» бы евреев и сарацин³. Б.Н. Флоря в издании «Жития» отмечает книжный характер этого зачина: обычаи своего народа послы не могли назвать «постыдными», заявление об изначальном знании единого бога свойственно книжной библейской традиции (этому топосу следует и Кембриджский документ, повествующий о выборе веры у хазар), источники свидетельствуют, что до миссии Константина хазарская верхушка уже стала иудейской⁴. Конфессиональный аспект миссии Константина

сводился, очевидно, к урегулированию проблем христианского населения Хазарии, возникших после принятия хазарами иудаизма, — Константин добился у кагана освобождения пленных греков⁵.

Едва ли не самым дискутируемым в этой истории вопросом, тщательно разбираемым авторами (VIII.1; IX.1), оказывается вопрос об историчности событий, описываемых в Кембриджском документе, — походе некоего русского князя Хлгу на хазарскую Таматарху/Тматорокань, спровоцированном Романом Лакапином (920–944), ответном демарше полководца Песаха, дошедшего до Херсона, разгромившего Хлгу и подчинившего себе Русь. Совпадение имен Хлгу и Олега не дает прямых оснований переписывать русскую историю, отождествляя Хлгу с Олегом Вещим, — скандинавское по происхождению имя оставалось популярным в русском княжеском роде в домонгольские времена; стычка хазар с одним из князей, носивших это имя, не упоминается летописью. Вместе с тем, Г.Г. Литаврин подчеркивал при обсуждении этого сюжета, что с точки зрения «кочевой империи» потерпевший поражение народ становился подданным победителя. Этот взгляд позволяет понять «нестыковку» амбиций Византии (как и Руси) с одной стороны, и Хазарии — с другой. Пространная редакция письма «царя Иосифа» (960-е гг.) причисляет к подданным хазар едва ли не все пограничные со степью славянские племена (давно платящие дань Руси) и многие города Крыма⁶.

Можно присоединиться к заключению авторов книги, что приводимая эпистолярная конструкция, призванная продемонстрировать широту власти хазарского правителя (письмо Иосифа), «отражает более желаемое, нежели реальное».

Иное дело — реальность «карательного» рейда Песаха, достигающего не только Таматархи, но и Херсона⁷. Следы пожаров, фиксируемые археологами в раннесредневековых слоях крымских городов и Таматархи, провоцируют на поиски материальных соответствий Кембриджскому документу, особенно когда в слое оказываются монеты Романа Лакапина. Здесь авторы демонстрируют необходимость учитывать стратиграфический контекст — отмечается, что слои пожара содержат не только монеты Романа I (привлекается и датирующий амфорный материал): пожары не связаны с походом Песаха. Впрочем, авторы осознают, что в «нарративе» могут быть преувеличены масштабы похода, и целиком отрицать историчность рейда Песаха было бы рискованно (вспоминаются в связи с этим и мотивы «Жития Константина» о хазарском полководце, осадившем греческий город в Крыму, и враждебных венграх, пугающих своим волчьим воем).

В целом, салтовские древности отражают присутствие хазар в Крыму, во всяком случае, в VIII–IX вв., но в X в. у греков появляются новые, бо-

лее актуальные соперники и союзники (Русь, по договору 944 г., должна была защищать Корсунскую страну). Тем не менее, отмечают авторы в послесловии, и в XI в., и в позднем средневековье письменные источники используют топоним Хазария (Газария и т.п.) для обозначения причерноморских территорий. Авторы относят этот топоним к «азиатскому Боспору», области Тмутороканского княжества (хазарской Таматархи), вернувшегося под власть Византии. Нельзя не вспомнить в связи с этим общую традицию античной и средневековой географии, удерживающей на протяжении тысячелетий традиционную ономастику — и хазары и русские могли именоваться скифами (последние — тавроскифами, что порождало немало историографических мифов о власти над Крымом).

*Главный научный сотрудник
Института славяноведения РАН
д.и.н. В.Я. Петрухин*

¹ Ср. историографический обзор: Тортика А.А. Византия в политике Хазарского каганата: эволюция отношений // Дивногорский сборник. Выпуск 6. Воронеж 2016. С. 138–158.

² См.: Петрухин В.Я. Хазарское начало русской истории // POLYSTORIA: зодчие, конунги, понтифики в средневековой Европе. М., 2017. С. 43–85. Судьба ПЦГ драматична — крепость рушится в Цимлянское море, спасательными раскопками археологических школ, проводимыми там в последние годы при поддержке центра «Сэфер», удалось зафиксировать лишь 30 м рушащейся белокаменной стены...

³ Житие Константина VIII // Сказания о начале славянской письменности. Перевод и комментарии Б.Н. Флори. М., 1981.

⁴ Там же. С. 114.

⁵ Житию вторит Итальянская легенда (Сорочан С.Б. Византийский Херсон в «Итальянской легенде» // ХА. Т. 14. М., 2016. С.261). Лояльное отношение к христианам, особенно в подвластных хазарам областях, в том числе в крымской Готии, не исключало конфликтов, о чем свидетельствует восстание епископа Иоанна Готского в конце VIII в. (ср.: Виноградов А.Ю., Комар А.В. Строительная надпись кагана и тудуна из Горного Крыма // Хазары: миф и история. М.: Иерусалим, 2010. С. 90–1094. Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.: Иерусалим, 2000. С. 162–164).

⁶ Не случайно С.А. Плетнева в обзорной книге «Очерки хазарской археологии» объединяет в одну главу «крымские владения каганата» и «степное Приднепровье»: интерпретация памятников, отражающих присутствие там хазарской властной элиты, дискуссионна, хотя их инвентарь, включающий палаши, напоминает о летописной притче о хазарах, добившихся дани оружием, заточенным лишь с одной стороны. См. также: Петрухин В.Я. Хазарское начало русской истории... ср. о немногочисленных комплексах в Крыму: Айбабин А.И. Этническая история раннесредневекового Крыма. Симферополь. 1999. С. 184–185.

⁷ Ситуацию осложняет неоднозначность прочтения хоронимов — действительно ли речь идет о Таматархе и Херсоне? (ср.: Мудрак О.А. Заметки по иноязычной лексике хазарско-еврейских документов // ХА Т. 14. М., 2016. С. 359–361).

ВВЕДЕНИЕ

История Крымского полуострова «хазарского» времени (VIII – середина X вв.) является одним из самых «популярных» периодов в крымской медиевистике. По нашим подсчетам, данной проблематике посвящено больше публикаций, в том числе и фундаментальных исследований, чем остальным этапам крымского средневековья. При этом, например, хронологический промежуток XIV–XV вв. гораздо больше обеспечен источниковедческой базой, но он, тем не менее, не привлекал к себе такого количество исследователей.

Данному феномену имеется объяснение. С одной стороны, источники, сообщающие о различных перипетиях истории Тавриды VIII – середины X вв., более многочисленны и разнообразны, чем для V – VII и второй половины X – середины XIII вв. Это византийские исторические сочинения (например, «Хронография» Феофана Исповедника, «Бревиарий» патриарха Никифора, труды Константина Багрянородного, Продолжателя Феофана); агиографические произведения (Жития Иоанна Готского, Стефана Сурожского, Иоанна Психаита, Феодора Студита, Константина Философа, Иосифа Гимнографа, труды Епифания Монаха и др.); произведения эпистолярного жанра (письма Феодора Студита, Патриарха Николая Мистика, Анастасия Библиотекаря); документы Пято-Шестого и Седьмого Вселенских соборов; списки епархий Константинопольского патриархата (Notitiae); латинские свидетельства (в первую очередь Итальянская легенда); хазаро-еврейские источники (Кембриджский документ и письмо хазарского правителя Иосифа); фрагменты из трудов мусульманских авторов (ал-Мас'уди, Ибн ал-Асир, Ибн Хордадбех и др.); сведения грузинских и армянских авторов (Армянское Житие Стефана Сурожского и др.).

С другой стороны, в значительной степени помогают реконструировать историю Крыма «хазарского периода» эпиграфические и сфрагистические находки (в первую очередь моливдовулы из херсонского и сугдйского архивов печатей), а также довольно многочисленные археологические материалы, полученные в результате исследований слоев VIII – середины X вв.

Херсонеса, Сугдеи, Боспора, Мангупа, Эски-кермена, Баклы, Кыз-кермена, Тепсеня и других памятников.

Особый интерес к истории Крымского полуострова рассматриваемого периода объясняется и тем, что тогда эта территория оказалась в зоне особого внимания таких знаковых для отечественной историографии культурно-исторических феноменов, как Византийская империя и Хазарский каганат. Кроме того, этот период непосредственно предшествует корсунскому походу князя Владимира, завершившегося крещением в этом городе самого древнерусского правителя и его браком с представительницей правящей династии Империи ромеев. Как следствие, Русь прочно вошла с семьей цивилизованных государств. Напомним также о «крымском эпизоде» биографии славянского просветителя Константина (Кирилла) Философа.

Вехой в изучении истории Крыма «хазарского периода» стали труды крупнейшего русского византиниста В.Г. Васильевского, посвященные Житиям Иоанна Готского, Стефана Сурожского, Стефана Нового, Андрея Первозванного¹ в которых на высоком научном уровне была сформулирована концепция крымской истории VIII–X вв., ставшая основой практически для всех последующих исследователей. Идеи В.Г. Васильевского в большей или меньшей степени получили развитие и корректировку в трудах Ю.А. Кулаковского², А.Л. Бертье-Делагарда³, А.А. Васильева⁴ и ряда других авторов. Важными для понимания исторических процессов, протекавших в средневековом Крыму, являлись капитальные труды В.В. Латышева, посвященные изучению Житий Херсонских епископов⁵ и анализу эпиграфических памятников⁶. Полезными представляются и работы И. Франко «климентовского цикла»⁷.

В советское время для изучения рассматриваемой проблемы стали активно привлекать уже накопленный и осмысленный археологический материал. Это нашло отражение в трудах Н.И. Репникова⁸, А.Л. Якобсона⁹, Е.В. Веймарна¹⁰, Д.Л. Талиса¹¹, О.И. Домбровского¹², А.И. Романчук¹³, А.В. Гадло¹⁴ и ряда других авторов.

Определенного рода итоговыми и знаковыми для этого периода стали монография И.А. Баранова¹⁵ и четвертая глава книги А.И. Айбабина¹⁶. Конечно, основные научные концепции и степень обоснованности положений этих авторов отличаются, но вместе эти труды подводят черту под советским периодом историографии.

В постсоветское время проблемы крымской истории «хазарского» времени вышли на первый план в крымской медиевистике. Это связано, во-первых, с отходом от «советской тенденциозности» в освещении истории Хазарского каганата с и возможностью исследователей свободно излагать свою точку зрения по данной проблеме; во вторых, благодаря капиталь-

ным трудам по истории Хазарского каганата П.К. Коковцова¹⁷, М.И. Артамонова¹⁸, С.А. Плетневой¹⁹, М.Г. Магомедова²⁰, А.П. Новосельцева²¹, В.Я. Петрухина²², В.С. Флерова²³, Т.М. Калининой²⁴ и др²⁵, появившейся доступности работ зарубежных авторов стало реальным попытаться определить роль Крымского полуострова в системе этого государства; в-третьих, история собственно Хазарии в последние несколько десятилетий стала популярна как в постсоветской, так и в зарубежной историографии (напомним, было проведено несколько специализированных конференций и конгрессов, хазарская секция работала при Международной ежегодной конференции по иудаике, хазарская тематика была одной из основных на различных исторических и археологических конференциях, было издано несколько объемных сборников научных трудов)²⁶; в-четвертых, с одной стороны, в последнее время был накоплен значительный археологический материал, позволивший делать относительно объективные обобщения, а с другой, был совершен прорыв в определении хронологии раннесредневековых археологических материалов, давший возможность определять относительно узкие датировки бытования вещей; в-пятых, выявление херсонского и судакского архива печатей позволило привлечь новые важные сфрагистические источники.

Рассматривая историографию последних десятилетий, отметим работы К. Цукермана²⁷, А.И. Айбабина²⁸, А.Г. Герцена²⁹, В.Е. Науменко³⁰, В.В. Майко³¹, Н.А. Алексеенко³², Е.В. Степановой³³, М.Ф. Озепи³⁴, Х.Ф. Байера³⁵, А.В. Белого³⁶, Л.Ю. Пономарева³⁷, А.А. Тортики³⁸ и др., в которых рассматриваются различные аспекты истории Крымского полуострова VIII–X вв. В.Е. Науменко³⁹ и М.А. Никифоровым⁴⁰ были защищены кандидатские диссертации.

Истории раннесредневекового Херсона⁴¹ посвящен капитальный труд С.Б. Сорочана⁴². Ю.М. Могаричев, А.В. Сазанов и А.К. Шапошников опубликовали три монографии, рассматривающие различные аспекты, связанные с изучением Житий Иоанна Готского, Стефана Сурожского (в соавторстве с Е.В. Степановой) и первых Херсонских епископов (в соавторстве с С.Б. Сорочаном и Т.Э. Саргсян)⁴³.

Основные вопросы, по которым разворачиваются дискуссии среди современных исследователей: время прихода хазар на полуостров; кто доминировал в Крыму в «хазарский период» — хазары, Византия (в каком регионе и в какое время) или был установлен кондоминиум (двоевластие); основные этапы хазарской экспансии в Крым; проблема салтово-маяцкой археологической культуры на полуострове (именно с ней большинство современных исследователей связывает материальную культуру населения хазарского каганата).

«Слабым местом» подавляющего большинства исследований является их территориальная ограниченность. Как правило, отдельно авторы публикуют итоги своих исследований Херсона, Юго-Западного и Восточного Крыма. Или, если в работе охватывается вся территория Крыма, она анализирует лишь отдельные аспекты истории (этнические, политические и т.д.).

Настоящее исследование предназначено восполнить указанную лакуну. Мы попытались представить, насколько это возможно, обобщенную картину истории Крыма VIII – первой половины X в. на основе изучения как письменных, так и археологических источников. Фактически, предлагаемая монография — свод наших более ранних исследований с учетом новейшей литературы и материалов. Хронологические рамки издания охватывают период от конца VII – начала VIII в.⁴⁴, когда хазары вышли к границам Крымского полуострова и в определенной степени стали влиять на ситуацию здесь, до середины X в. По нашему мнению, хазары были вытеснены за пределы полуострова уже к концу IX в. Однако еще столетия они были одним из серьезных политических игроков Крыма, даже не находясь здесь. С середины X в., особенно после разгрома Хазарии Святославом, влияние этого государства сводится на нет, а вскоре оно вообще прекращает существование.

По некоторым вопросам, затрагиваемым в монографии, взгляды авторов не всегда совпадают, что вполне понятно для такого пространного обобщающего исследования на дискуссионную тему. Но это не мешает нам представить в целом картину истории Крымского полуострова «хазарского» времени.

Введение, Заключение и Ч. III подготовлены Ю.М. Могаричевым. (Глава 6 и Раздел 9.1 — в соавторстве с А.В. Сазановым). Ч. I подготовлена А.В. Сазановым (Глава 2 — в соавторстве с Ю.М. Могаричевым), Ч. II — С.Б. Сорочаном.

Авторы выражают искреннюю благодарность В.Я. Петрухину за неоценимую помощь в издании настоящего труда.

¹ Васильевский В.Г. Хожение Апостола Андрея в страну мирмидоян. Труды. СПб., 1909. Т. 2. Вып.1; Васильевский В.Г. Житие Стефана Нового // Труды. СПб., 1912. Т. II. Вып. 2 (первое издание: ЖМНП. 1877. Ч. 191. Отд. 2; Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // Труды. СПб., 1912. Т. 2. Вып.2. (первое издание: ЖМНП. 1878. Январь. Ч. 195. Отд. II); Васильевский В. Г. Житие св. Стефана Сурожского // Труды. Пд, 1915. Т. 3. (первое издание: Русско-Византийские исследования. СПб., 1893. Вып. II).

² См. напр.: Кулаковский Ю.А. К истории Готской епархии (в Крыму) в VIII веке // ЖМНП. 1898. №2; Кулаковский Ю.А. Где находились Фуллы? // ЖМНП. 1898. № 2; Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. Киев, 2002. (первое издание: Киев, 1906. См также: Киев, 1914).

Часть I.

КРЫМ В VIII – СЕРЕДИНЕ X ВВ. ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Глава 1. Археологические комплексы Крыма второй половины VII – первой половины VIII в.

Данная глава посвящена анализу археологических контекстов Крыма второй половины VII – первой половины VIII в. Частично этот анализ уже публиковался в нескольких работах. Однако в последнее время появились новые исследования, в которых используются рассматриваемые нами ранее материалы, а также выявлены в ряде случаев новые, не учтенные нами контексты. Кроме того, за прошедшее время несколько изменилась хронология амфор и краснолаковой посуды ранневизантийского времени. Несколько по-иному видится и типология.

Указанные обстоятельства делают необходимым новое обращение к этим материалам.

1.1. Поселения

Контексты второй половины VII – первой половины VIII в. обнаружены в Херсонесе, Керчи, Сугдее, Тау-Кипчаке и, видимо, Партенитах.

Херсонес

Проблемами выделения контекстов Херсонеса VII в. занимались А.И. Романчук¹, А.В.Сазанов², Л.А.Голофаст³, А.И.Айбабин⁴. Нас интересуют комплексы, отнесенные исследователями к середине – второй половине VII в. А.И. Романчук и А.В. Сазанов отнесли к ним слой разрушения хо-

зяйственного помещения неподалеку от XVII куртины Портового района⁵, Л.А. Голофаст — слой разрушения хозяйственного помещения неподалеку от XVII куртины Портового района (комплекс 22), заполнение цистерны «Н» в помещении 21 Северного района (комплекс 23), заполнение цистерны «Е» в XV квартале Северного района (комплекс 24), заполнение цистерны в помещении 9 А VIII квартала Северного района (комплекс 25), засыпь подвала в соседнем с цистерной помещении 6–7 а квартала VIII Северного района (контекст 26)⁶.

По мнению А.И. Айбабина, в VII в. завершилось формирование раннесредневекового архитектурного облика Херсона. Как полагает исследователь, учитывая зафиксированную Г.Д. Беловым стратиграфию (яма и печь, связанные со строительством базилики, впущены в слой с монетой 641–668 гг.) возведение базилики 1932 г. следует датировать не ранее периода Константа II 641–668 гг. В Северном районе в кварталах не ранее середины VII в. возвели новые дома и засыпали цистерны. В квартале XV из засыпи цистерны извлекли монету Ираклия или Константа II. Не ранее середины VII в. построили Восточную базилику. Дата, как подчеркивает А.И. Айбабин, основана на керамике из заполнения засыпанного в I квартале колодца. Вероятно, тогда же соорудили четырехапсидный храм. Остатки усадеб VII в. расчищены в Портовом районе. В кладовой одной из них в результате пожара возник слой керамики с монетой Константа II. А.И. Айбабин считает, что в слое наиболее поздними являлись имитации амфор, подобных встреченным в Константинополе в слое второй половины VII в.⁷

Положение А.И. Айбабина о возведении базилик 1932 г. и Восточной не ранее середины VIII в. ошибочно и не подтверждается ничем. Колодец перед Восточной базиликой был засыпан не в середине VII в., а в конце VI в. Четырехапсидный храм сооружен не в VII в., а во второй, возможно, третьей четверти VI в. и. т.д.⁸ В целом представления А.И. Айбабина о хронологии херсонесских комплексов далеки от реальности.

Список Л.А. Голофаст, в отличие от данных А.И. Айбабина, в целом надежен. Исключение составляет лишь комплекс 26 (засыпь подвала в соседнем с цистерной помещении 6–7 квартала VIII Северного района), на хронологии которого кратко остановимся⁹. Из него происходят амфоры LRA 4 конца VI–VII вв.¹⁰, LRA 5 конца VI – начала VIII в.¹¹, LRA 1 B 1 VI – середины VII в.¹², D Snr II по Д. Кассаб-Терзгор второй четверти VI – середины VII в.¹³, АДСВ типа 5 конца VI–VII вв.¹⁴. Краснолаковые миски представлены формами ARSW 107 конца VI – середины VII в.¹⁵, ARSW 99 C 560/580 – VII в.¹⁶, ARSW 93/97 similis (имитация) второй четверти VI – первой половины VII в.¹⁷, LRC 10 B 580-х гг. – первой четверти VII в.¹⁸, клеймом мотива

66 третьей хронологической группы конца V/начала VI – 580 х гг.¹⁹. Перечисленный материал не дает оснований для синхронизации с комплексом 25. Комплекс 26 выглядит явно более ранним и не содержит безусловных материалов позже первой четверти VII в. Скорее всего, он относится к этому времени, но не позже.

Таким образом, более или менее надежными контекстами, образование которых может быть отнесено примерно к середине VII в., могут считаться:

- слой разрушения хозяйственного помещения неподалеку от XVII куртины Портового района;
- заполнение цистерны «Н» в помещении 21 Северного района. Раскопки 1931 г.;
- заполнение цистерны «Е» в XV квартале Северного района городища. Раскопки Г.Д. Белова 1940 г.;
- заполнение цистерны в помещении 9 А VIII квартала Северного района.

1. Херсонес. Слой разрушения хозяйственного помещения неподалеку от XVII куртины

Источниками для реконструкции комплекса слоя 4 помещения 48 Портового квартала I, выявленного в 1970–1971 гг., являются первичная публикация А.И. Романчук²⁰, описание и рисунки сохранившихся в фондах Херсонесского музея материалов, опубликованные Л.А. Голофаст²¹, а также рисунки сосудов из архивов А.И. Романчук, использованные А.В. Сазановым в трех публикациях²².

Суммируя все эти данные и, по возможности, исключая повторяющиеся в этих публикациях рисунки одних и тех же вещей²³, получаем следующую картину.

В комплексе были обнаружены фрагменты черепицы, амфоры, пифос, краснолаковая керамика, кухонная посуда, ампулы.

Амфоры

На рисунках в статьях А.И. Романчук и Л.А. Голофаст фигурируют амфоры LRA 1, LRA13, LRA 8 или типа самосской цистерны, коричневоглиняные с перехватом, Scorpan 9=Hayes 11. Кроме того, у Л.А. Голофаст в таблице взаимовстречаемости основных групп археологического материала в комплексах второй половины VII в. фигурируют амфоры LRA 4, LRA 5, «Carotte», TRC 4 и ADCB тип 5²⁴. В статистике А.И. Романчук в состав комплекса входили типы I, III, IV, VI, VIII–IX, XII по старой херсонесской классификации, соответствующие коричневоглиняным амфорам «с перехватом»=Scorpan XV, LRA 5, LRA 4, TRC 4, LRA 1, LRA 13²⁵. Сопоставление этих данных позволяет с достаточно высокой степенью уверенности

предположить, что Л.А. Голофаст ориентировалась на таблицу со статистическими данными из статьи А.И. Романчук.

Учет всех этих данных позволяет с большей или меньшей степенью надежности говорить о следующих типах амфор, обнаруженных в рассматриваемом контексте:

	Тип	Публикации	Количество по статистике А.И.Романчук (фрагменты с учетом стенок)	Количество по рисункам в публикации Л.А.Голофаст
1	LRA 1	Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 22,1	279	1
2	Aegean Globular amphorae («LRA 13»).	Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique. Fig. 10,1	98	
3	LRA 8=тип самосской цистерны	Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique. Fig. 10, 2	1 – почти целая амфора	
4	Scorpan 9=Hayes 11	Романчук А.И. Слои VII—VIII вв. в портовом районе Херсонеса Рис. 4 в, крайняя левая	1 – почти целая амфора	
5	Scorpan XV=кориновоглиняные с перехватом	Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique. Fig. 10, 3	9	
6	TRC 4		188	
7	LRA 4 (непрофильные фрагменты, подсчитанные вместе с LRA 5.Скорее всего, LRA 4, т.к. LRA 5 гораздо менее представлен в контекстах Херсонеса)		52	

По всем изученным материалам какую-либо достоверную статистику предложить сложно. Вызываем сомнение отсутствие круглодонных амфор типа 5 по АДСВ. Видимо, они были помещены в тип TRC 4.

LRA 1 (Рис. 1.1, 1). Горло LRA 1 относится к типу LRA 1 В 1 по Доминику Пиери или типу VIII по типологии кораблекрушения в Язи-Ада ван Альфена²⁶, которые датируются в пределах VI – середины VII в. Верхнюю дату в районе второй четверти VII в. показывают комплексы Марселя²⁷. Таким образом, по всей видимости, амфору LRA 1 из рассматриваемого херсонесского контекста можно отнести к VI – середине VII в.

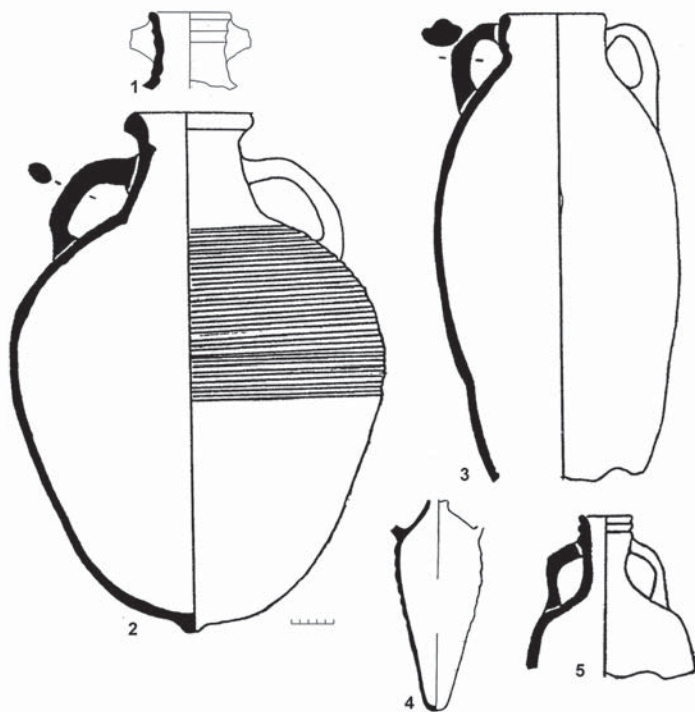

Рис. 1.1. Херсонес. Слой 4 помещения 48 Портового квартала I, выявленный в 1970–1971 г.

(Слой разрушения хозяйственного помещения неподалеку от XVII куртины). Амфоры:

- 1 — LRA 1, 2 — Эгейская глобулярная амфора (LRA 13), 3 — LRA 8, 4 — Scorpan 9=Hayes 11, 5 — Scorpan XV. По: Романчук А.И. Слои VII–VIII вв. в портовом районе Херсонеса // АДСВ. 11. 1975; Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ.

Вып. VIII. 2001. Комплекс 22

LRA 13(эгейские глобулярные амфоры) (Рис. 1.1,2). В целом тип датируется второй половиной VI–VII в.²⁸. Близкие формы, однако, с зональным рифлением, происходят из контекстов Коса²⁹. Другие близкие формы обнаружены в контексте Язи-Ада 640-х гг.³⁰

LRA 8. (Рис. 1.1, 3). Одна почти целая амфора (без ножки) может быть отнесена к группе амфор типа самосской цистерны³¹ или LRA 8 по Д. Пьерри³². С точки зрения хронологии, если рассматривать этот большой класс как один, то контексты позволяют его датировать временем от примерно последней трети V в. до третьей четверти VII в.³³. Обычно встречается датировка VI–VII вв.³⁴ А. Ремола определяет дату этих амфор от конца V до третьей четверти VII в., что практически совпадает с предложенной нами ранее³⁵. Из не учтенных в наших предшествовавших публикациях амфор этого класса из Причерноморья типа добавим находку в сводах Драндского храма 580-х гг.³⁶. Кроме того, в последнее время благодаря работам П. Рейнолдса выяснилось, что этот класс амфор выпускался в нескольких центрах, которые, видимо, включали не только Самос, но и Эфес, а также Икарию³⁷. Модуль амфор оставался прежним, однако существенные морфологические отличия проявляются в форме корпуса и ножки. Наш вариант ближе всего к амфоре, имеющей общую датировку в пределах VI–VII вв.³⁸. В любом случае, вне сомнений, продолжение существования этих амфор, по крайней мере, в середине-третьей четверти VII в.³⁹

Scorpan 9=Hayes 11 (Рис. 1.1, 4). Обнаруженная в комплексе амфора изготовлена из плотной глины красно-кирпичного оттенка со включениями мелких зерен известняка и шамота, относится к типу 9 по типологии К. Скорпана, соответствующему типу 11 по типологии Дж. Хейса амфор из константинопольского квартала Сарачане. В первичной публикации А.И. Романчук она была сопоставлена с ранневизантийскими амфорисками из того же комплекса и ошибочно атрибутирована как амфориск 1. Исследовательницу не смутило наличие двух ручек у рассматриваемого сосуда и его больший размер⁴⁰. Описание глины и морфология полностью соответствуют амфорам типа 9 по типологии К.Скорпана или 11 по Дж.Хейсу.

Эти амфоры встречаются в комплексах от 570–580 гг. до конца VI – середины VII в.⁴¹, что и определяет их дату.

Scorpan XV. (Рис. 1.1, 5). Одно горло относится к известным в Причерноморье т.н. коричневоглиняным амфорам с перехватом⁴². Верхняя дата этого типа укладывается в VII в.⁴³.

TRC 4. Рисунки этих амфор из комплекса не приведены в публикации А.И. Романчук. Соответствующий тип т. н. первой херсонесской классификации упомянут в статистических таблицах статьи. Все, что при такой ситуации остается, — датировка по типу в целом. Как показал проведенный нами анализ контекстов с амфорами критского производства TRC 4, этот тип в целом можно датировать концом V–VII в.⁴⁴

LRA 4. Ситуация с рисунками здесь та же самая, что и в предыдущем случае. Можно предположить, что речь идет о поздних типах амфор Газы,

соответствующих форме 4 по классификации польского исследователя Грегора Махерека, датирующей концом VI–VII вв.⁴⁵

Краснолаковая керамика

Краснолаковая керамика представлена группами Late Roman C, African red slip wares, Late Roman D и понтийскими сосудами, а также сосудами, имитирующими северо-африканские формы.

С точки зрения хронологии комплекс краснолаковой керамики распадается на следующие хронологические группы:

Хронологическая группа	количество	%	формы	Публикация
IV – первая половина V вв.	5	18,5	PRSW 1, Чашки, ARSW 61 A	Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 66,2-4, 11, 12
Середина V – первая половина VI в.	3	11,1	PRSW 7, LRC 3 B/C, LRC 3 C	Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 66, 6, 17; Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique. Fig. 10, 8
Середина VI – середина VII в.	17	70,4	LRC 3 F, LRC 3 G, LRC 10 A, имитации ARCW 93-97, ARSW 99, ARSW 105, Late RomanD 9 C	Романчук А.И. Слои VII—VIII вв. в портовом районе Херсонеса // АДСВ. 11. 1975. Рис. 5, а; Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. Рис. 66, 5, 7, 8, 9, 10, 13, 15; Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonèse de la fin du VIe-troisième quart du VIIe siècles: la chronologie de la céramique .Fig. 10, 4, 7, 9–14
Всего	27			

Как видно из таблицы, краснолаковая керамика, обнаруженная в рассматриваемом контексте, делится на три хронологические группы. Первую составляют сосуды, датирующиеся в пределах IV – первой половины V в. К ним относятся форма PRSW 1, чашки и ARSW 61 A. (Рис. 1. 3, 6-10) Форма PRSW 1 датируется IV – началом V в.⁴⁶, чашка — IVв.⁴⁷, ARSW 61 A–324–400 гг.⁴⁸

Вторую хронологическую группу составляют краснолаковые сосуды, относящиеся к середине V – первой половине VI в.: PRSW 7, LRC 3 B/C, LRC 3 C (Рис. 1.3, 11–13). Краснолаковые миски PRSW 7 имитируют LRD 2 и, видимо, им синхронны. Их дата укладывается в период от середины V до начала второй четверти VI в.⁴⁹ Миски переходного типа LRC 3 B/C по аналогии с сосудом из контекста Афинской Агоры конца IV – середины V в., могут быть датированы тем же временем, т.е., по Дж.Хейсу, серединой второй половины V в.⁵⁰ Наконец, сосуд формы LRC 3 C находит аналогии в контекстах Афин третьей четверти V в., Константинополя 524–525 гг., Бейрута 450–500 гг., что позволяет его датировать второй половиной V–первой третью VI в. Скорее речь должна идти о 450–500 гг., что соответствует дате П. Рейнолдса⁵¹.

Наконец, третью и самую многочисленную группу составляют сосуды, относящиеся к середине VI – середине VII в. (Рис. 1.2; Рис. 1.3, 1–5). Они распределяются следующим образом:

	Группа	Количество	%
1	Late Roman C	12	70,6
2	Late Roman D	1	5,8
3	African red slip wares	2	11,6
4	Имитации ARSW 93/97	3	17,6
Всего		17	

Late Roman C.

Как видно из таблицы, абсолютно преобладает группа LRC. Распределение ее по формам следующее:

	формы LRC	количество	%
1	LRC 3	11	91,7
2	LRC 10	1	8,3
	Всего	12	

Абсолютно доминирует форма **LRC 3**. Распределение ее по типам следующее:

	Типы LRC 3	количество	%
1	LRC 3 F	7	58,3
2	LRC 3 G	4	33,3
3	LRC 3 F/G (клеймо)	1	8,4
	Всего	12	

Целая миска **LRC 3 F** (Рис. 1.2,1) находит параллели в контекстах второй четверти VI в., 570–580 г. и конца VI в.⁵² Второй венчик (Рис. 1.2,2) имеет аналогии с краснолаковыми сосудами из комплексов Афинской Агоры второй четверти – середины VI в., Константинополя 526–527 гг., Ильичевки третьей четверти VI в., Херсонеса конца VI в.⁵³ Параллели третьему венчику (Рис. 1.2,3) встречаются в контекстах второй четверти VI – конца VI/начала VII в. в Афинской Агоры, Токры и Ильичевки⁵⁴. Четвертый венчик (Рис. 1.2,4) находит аналогии с сосудами из контекстов Константинополя 524–525 гг., Афинской Агоры 525–550 гг., Бейрута 551 г., Ильичевки 570–580 гг., Агия Галены на Крите 650–670 гг.⁵⁵ Пятый венчик (Рис. 1.2,5) аналогичен сосудам из контекстов Бейрута конца V в., Афинской Агоры 525–550 гг., Ильичевки третьей четверти VI в., Токры примерно 600 г. и середины VII в. (перемещенный фрагмент из слоя примерно 600 г.)⁵⁶. Параллели шестому венчику (Рис. 1.2,6) обнаружены в контекстах Афинской Агоры 525–550 гг., Бейрута 551 г., Ильичевки 570–580 гг., Токры, видимо, конца VI в.⁵⁷ Аналогии седьмому венчику (Рис. 1.2,7) происходят из контекстов Афинской Агоры примерно 500 г., Бейрута, видимо, 530–540 гг., 570–580 гг. поселения Зеленый мыс в Восточном Крыму и Ильичевки, Херсонеса конца VI в.⁵⁸ Как мы видим, даты обнаруженных в нашем комплексе краснолаковых мисок Late Roman C form 3 type F укладываются, в основном, во вторую четверть – конец VI в.

Четыре венчика относятся к типу **LRC 3 G** (Рис. 1.2,9–12).

Первый венчик (Рис.1.2,9) находит параллели в контексте Бейрута, предположительно, 551 г. и Херсонеса конца VI в.⁵⁹ Аналогии второму венчику (Рис. 1.2,10) также обнаружены в контекстах Бейрута, предположительно 551 г., Ильичевки 570–580 гг. и Херсонеса конца VI в.⁶⁰ Параллели третьему венчику (Рис. 1.2,11) происходят из слоя 3 Токры, относящегося примерно к 600 г., и синхронного слоя поселения Зеленый Мыс в Восточном Крыму⁶¹. Наконец, зафиксированный на рисунке в статье А.И. Романчук целый сосуд (Рис. 1.2,12)⁶² имеет аналогии в контекстах Бейрута, предположительно, 551 г. и Херсонеса конца VI в.⁶³ Приведенные даты в определенной степени совпадают с точкой зрения П. Рейнольдса, согласно которой сам тип LRC 3 G можно датировать примерно 525–575 гг., с выраженным акцентом производства на середине VI в. Так или иначе обнаруженные в нашем комплексе сосуды типа LRC 3 G можно относить ко второй половине VI в.

Обнаруженное клеймо на донце краснолакового сосуда неясное (Рис. 1.2,8), поэтому точному отождествлению с конкретным мотивом по классификации Дж. Хейса не подлежит. Можно лишь говорить, что речь идет об изображении животного с повернутой головой, относящемся к

третьей хронологической группе Дж. Хейса, имеющей общую датировку 470–580 гг.⁶⁴ Отметим также, что в нашем случае речь может идти о деградированном клейме, скорее всего, связанном с типом LRC 3.

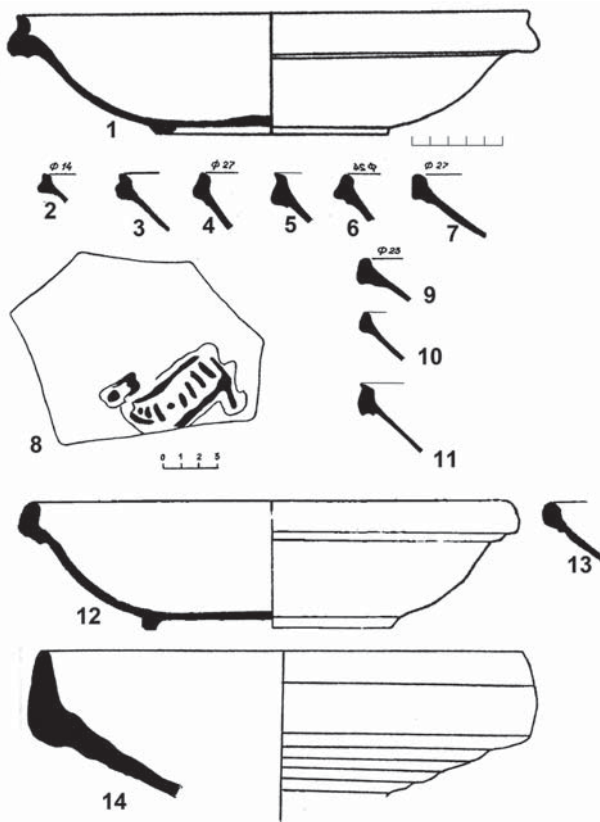

Рис. 1. 2. Херсонес. Слой 4 помещения 48 Портового квартала I, выявленный в 1970–1971 г. (Слой разрушения хозяйственного помещения неподалеку от XVII куртины). Краснолаковая керамика: 1–7 — LRC 3 F, 8 — клеймо на донце краснолакового сосуда, 9–12 — LRC 3 G, 13 — LRC 10 A/B, 14 — Late Roman D» форма 9 C. По: Романчук А.И. Слои VII–VIII вв. в портовом районе Херсонеса // АДСВ. 11. 1975; Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. Вып. VIII. 2001. Комплекс 22

Один венчик относится к группе **LRC 10 A/B**⁶⁵ (Рис. 1.2 ,13). Сосуды этой группы с аналогичными венчиками происходят из контекстов Бейрута начала VII в. и Херсонеса конца VI – первой четверти VII в.⁶⁶ В целом же, появление LRC 10 A, по всей видимости, следует относить к примерно 575 г., когда эта форма сменяет LRC 3 G⁶⁷. Таким образом, дата обнаружен-

ного в нашем комплексе венчика укладывается в 575 г. – первую четверть VII в. Скорее всего речь должна идти о рубеже VI–VII вв.

Late Roman D

Один венчик принадлежит к группе «*Late Roman D*» *форме 9 C* (Рис. 1.2, 14). По классификации 1981 г. этот тип датирован 580/600 – концом VII в. (повторение датировки Дж. Хейса 1972 г.)⁶⁸. Ближайшими аналогиями являются миски из контекстов Бейрута конца VI – начала VII в. и Гадара середины VII в.⁶⁹ Правда, в последнем случае Ламия Эль-Хури атрибутирует аналогичную миску как LRD 10. Однако ее морфология явно не соответствует указанной форме Дж. Хейса. Принадлежность к форме LRD 9 C подтверждает корректная ссылка исследовательницы на приведенные выше работы Пола Рейнолдса, где эти сосуды справедливо отнесены именно к LRD 9 C. Отметим также, что группа LRD, первоначально рассматриваемая как производившаяся исключительно на Кипре, в реалии имеет более широкий ареал производства, включающий в том числе южную Малую Азию, что размывает сложившуюся в историографии картину⁷⁰.

Имитации африканских форм

Следующую группы краснолаковой посуды составляют *имитации африканских форм* (Рис. 1.3, 1–3). К.Домжалский именует их «Late Roman Pontic Burnished Ware» (LRPB), при этом предполагает их производство в северо-восточной части Малой Азии и датирует в пределах второй четверти – конца VI в. с возможным бытованием в первых десятилетиях VII в.⁷¹. Сразу отметим, что на настоящий момент не существует никаких доказательств, указывающих на производство этих сосудов в Причерноморье и северо-восточной части Малой Азии. Аргументация такого названия просто отсутствует. Поэтому наименование «Понтийский» в этом, как и других случаях, предложенных К.Домжалским, по меньшей мере, преждевременно и может ввести в заблуждение исследователей, если в результате аналитики выяснится иное место их производства. Строить на этом весьма шатком основании концепцию «понтийского производства» краснолаковой керамики вряд ли стоит. На наш взгляд, важнее на данном этапе исследовать другое обстоятельство. Эти сосуды имитируют африканские формы 93–97, от которых они, видимо, и происходят. Эта особенность позволяет, на наш взгляд, более корректно определять их как имитации африканских форм без уточнения места производства. Такое определение, во-первых, соответствует действительности, а во-вторых, достаточно гибко. По известной аналогии с амфорами LRA 1, производившихся, как оказалось, во многих центрах (отсюда название LRA 1 *similis*), можно предложить условное наименование этой группы «*ARSW 93-95/97 similis*» или, в русском варианте, «*имитации африканских форм*».

Две миски имитируют африканские формы 93/95. (Рис. 1.3,1, 2). Они, имея общую дату, видимо, в пределах второй четверти VI – первой четверти VII в.? находят параллели в контекстах Ильичевки 570–580 гг., Херсонеса конца VI и первой четверти VII в.⁷².

Третья миска (Рис. 1.3,3), видимо, имитирует форму **Carthage 6**. Аналогии известны в контекстах Ильичевки 570–580 гг., Херсонеса конца VI и первой четверти VII в.⁷³

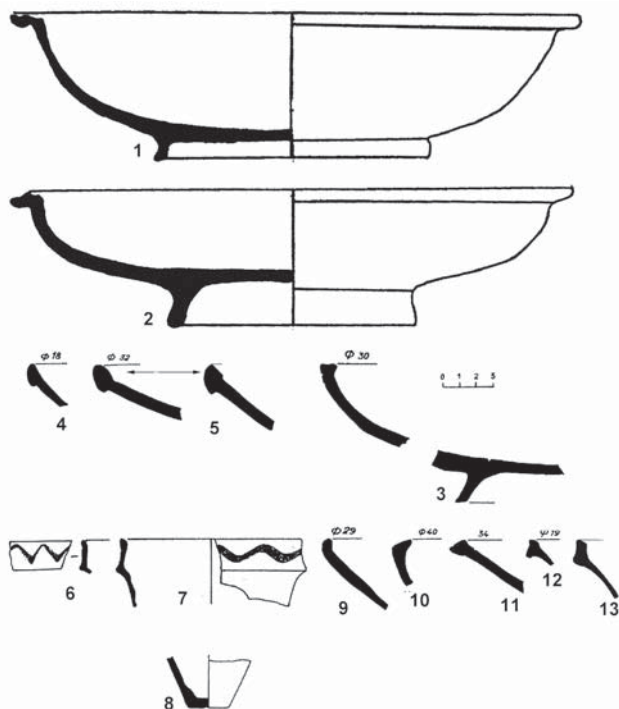

Рис. 1. 3. Херсонес. Слой 4 помещения 48 Портового квартала I, выявленный в 1970–1971 г. (Слой разрушения хозяйственного помещения неподалеку от XVII куртины). Краснолаковая керамика: 1, 2 — имитации африканских форм ARSW 93-95/97 или «ARSW 93-95/97 similis», 3 — имитация формы Carthage 6, 4 — ARSW 99 C, 5 — ARSW 105, 6–8 — чашки, 9–PRSW 1, 10–ARSW 61 A, 11–PRSW 7, 12–LRC 3 B/C, 13–LRC 3 C. По: Романчук А.И. Слои VII–VIII вв. в портовом районе Херсонеса // АДСВ. 11. 1975; Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. Вып. VIII. 2001. Комплекс 22

African red slipwares

Группа «African red slip wares» представлена формами 99C и 105 (Рис. 1.3, 3, 4). Венчик миски **ARSW формы 99 C** (Рис. 1.3,4), обычно дати-

рующийся 560/580-620 гг., находит аналогии в контекстах Бейрута конца VI в., Афинской Агоры конца VI – начала VII в., Херсонеса и Коринфа конца VI в.⁷⁴ Другой венчик принадлежит к *ARSW 105* (Рис. 1. 3,5), общая дата которой 580–675 гг.⁷⁵ Параллели ему происходят из контекстов Афинской Агоры VII в., Бейрута начала VII в., Херсонеса конца VI в., Коринфа конца VI в. и середины третьей четверти VI в.⁷⁶ В последнем случае нельзя исключать «примесь снизу».

Амфориски

Амфориски, или поздние римские унгвентарии, правильнее называть ампулами (*ampullae*) (Рис. 1.4, 3–5). Они составляют один из важных и принципиальных компонентов паломнического комплекса. По новейшей типологии ампул, обнаруженные в рассматриваемом комплексе сосуды относят к группе *Early Christian Ampulla*, или, сокращенно, *ECA*⁷⁷. Одна ампула с клеймом у основания относится ко второй группе, выделенной Л.А. Голофаст. Первоначально общая дата этой группы определялась хронологией, предложенной Дж. Хейсом, от конца V до 650 гг.⁷⁸ Верхняя дата остается справедливой и сегодня. Сложнее с нижней. Исследователи полагают, что эти ампулы производились в Кесарии Кибира с начала V до середины VII в.⁷⁹ Добавим аналогии VI в. из раскопок Афинской Агоры, недавно опубликованные Дж.Хейсом⁸⁰.

Вторая ампула соответствует первой группе Л.А.Голофаст, контексты также указывают на VI в.⁸¹

Кухонная керамика

Из кухонной керамики важным является наличие двух венчиков эгейских кастрюль (Рис. 1.4, 6, 7). Эти сосуды относятся к типу *COM-MEDIT 23* (*CATHMA 23*), которые первоначально датировались К. Рэйно 580/750 гг.⁸²

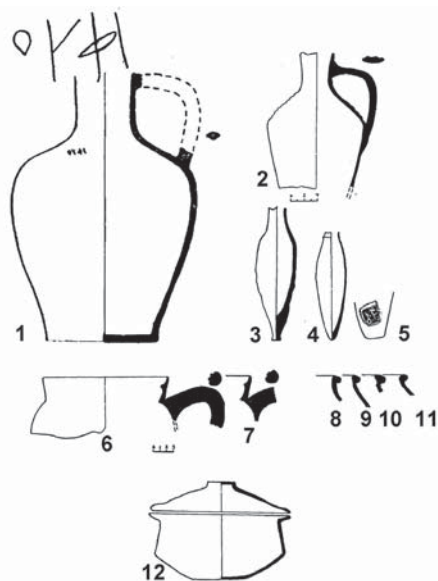

Рис. 1. 4. Херсонес. Слой 4 помещения 48 Портового квартала I, выявленный в 1970–1971 г. (Слой разрушения хозяйственного помещения неподалеку от XVII куртины). Простая гончарная, кухонная посуда и ампулы: 1,2 — простая гончарная, 3–5 — ампулы, 6,7 — кастроли *Com-Medit 23* (*CATHMA 23*), 8–12 — кухонная посуда. По: Романчук А.И. Слои VII–VIII вв. в портовом районе Херсонеса // АДСВ. 11. 1975

Дж. Хейс датировал эту форму в Константинополе VII – первой половиной VIII в. Ж.-К.Трелиа недавно предложил относить эту форму ко второй половине VII – первой половине VIII в. Эта новая датировка была обоснована им находками в датированных контекстах Сарачан в Константинополе⁸³, Язи-Ада⁸⁴, Александрии⁸⁵, Муригиоля⁸⁶, Гортины⁸⁷, Карфагена⁸⁸, Неаполя⁸⁹, крипты Бальби в Риме⁹⁰, Таррагоне⁹¹. Проведенные анализы кухонных сосудов этой формы, относящихся к типу Reynolds 1993, Pl. 65 n° 760, показали место их производства в районе Константинополя и побережья Мраморного моря.

Монеты

Наконец, в рассматриваемом комплексе были обнаружены монеты **Юстиниана I (527–565 гг.)** и **Константа II (641–668 гг.)**⁹².

Учитывая то, что монеты дают «terminus post quem», необходимо точнее определить дату комплекса. С точки зрения хронологии, датирующие контекст материалы распределяются следующим образом:

Датировка	количество	Датирующие вещи
VI – середина VII в.	1	Амфора LRA 1
Вторая половина VI–VII вв.	1	Амфора LRA 13
VI-третья четверть VII в.	1	Амфора LRA 8
570/580-конец VI/середина VII в.	1	Амфора Scorpan 9=Hayes 11
VI–VII вв.	1	Амфора с перехватом ScorpanXV; амфоры LRA 4
Конец V–VII в.		Амфоры TRC 4
Вторая четверть – конец VI в.	7	Краснолаковые миски LRC 3 F
Вторая половина VI в.	4	Краснолаковые миски LRC 3 G
575 г.-первая четверть VII в.	1	Краснолаковая миска LRC 3 10 A/B
Конец VI – середина VII в.	1	Краснолаковая миска LRD 9 C
Вторая четверть VI – первая четверть VII в.	2	Краснолаковые миски, имитирующие ARSW 93/95
570/580 – первая четверть VII в.	1	Краснолаковая миска, имитирующая форму Carthage 6
560/580–620 гг.	1	Краснолаковая миска ARSW 99 C
Конец VI – середина/третья четверть VII в.	1	Краснолаковая миска ARSW 105
VI – середина VII (?) в.	1	Ампула первой группы
V – середина VII в.	1	Ампула второй группы
Вторая половина VII – первая половина VIII в.	1	Кухонная кастрюля CATHMA 23

Эти данные можно сгруппировать в следующие группы:

- а) V – середина VII в., конец V–VII в., VI–VII вв., VI – середина VII в., VI – третья четверть VII в.
- б) Вторая половина VI – VII вв.
- в) 570/580 – конец VI/середина VII в., конец VI – середина VII в., конец VI – середина/третья четверть VII в.
- г) Вторая четверть – конец VI в., вторая половина VI в., вторая четверть VI – первая четверть VII в.
- д) 575 г. – первая четверть VII в., 570/580 – первая четверть VII в., 560/580–620 гг.
- е) Вторая половина VII – первая половина VIII в.

Первые две группы имеют широкие датировки. Группа «в» может датироваться концом VI – серединой VII в., группа «г» — второй половиной VI в., группа «д» — 570/580 гг. – первой четвертью VII в., группа «е» — второй половиной VII – первой половиной VIII в. Это указывает, скорее всего, на время существования рассматриваемого комплекса со второй половины VI в. до, примерно, середины VII в. Т.е. монеты 641–668 гг., видимо, соответствуют времени гибели постройки, результатом которой стало образование рассматриваемого контекста. Монеты хорошо увязываются с датой самой поздней вещи – кастрюли САТНМА 23, что позволяет датировать время гибели помещения примерно, 650–670 гг.

2. Херсонес. Заполнение цистерны «Н» в помещении 21 Северного района. Раскопки 1931 г.

Соответствует комплексу 23 по публикации Л.А. Голофаст. Исследователницей были атрибутированы амфоры: типов 5 по АДСВ, «Carotte», Зеест 99 а (TRC 4). Краснолаковая керамика из этого комплекса была отнесена Л.А. Голофаст к формам ARSW 62 В (PRSW 1), блюдам на высоком поддоне, LRC 3 F, G, LRC 9, LRC 10 А, чашкообразным сосудам. Отмечены также амфориски. Изделия из стекла представлены фрагментами рюмок и лампад⁹³.

Рассмотрим опубликованные Л.А. Голофаст материалы.

С точки зрения хронологии самыми ранними являются краснолаковая чашка и ножка амфоры типа LR 3.

Верхняя граница таких чашек, как мы уже отмечали, приходится на IV в.⁹⁴. Аналогии к ножке амфоры LR 3 позволяют ее относить к периоду от конца IV до второй четверти VI в.⁹⁵. Данные фрагменты, взятые вместе, составляют группу, скорее всего, второй половины – конца IV в. и являются несомненной «примесью снизу».